

ВОЙНА И БЛОКАДА

УДК 94(47)
ББК 63 3(2)622
В 61

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского института истории РАН*

Редакционная коллегия:
*А. А. Ефимов, М. В. Ковальчук, А. И. Рупасов,
А. Н. Чистиков (ответственный редактор)*

Рецензенты:
д. и. н., проф. *Н. А. Ломагин*, к. и. н. *А. И. Богомолов*

В 61 **Война и блокада. Сборник памяти В. М. Ковальчука.** — СПб.: Нестор-История, 2016. — 384 с., ил.

ISBN 978-5-4469-0851-6

Сборник посвящен памяти выдающегося российского ученого, крупного специалиста по истории блокированного Ленинграда и Великой Отечественной войны Валентина Михайловича Ковальчука (1916–2013). В книге представлены статьи и документальные публикации по различным проблемам Великой Отечественной и Второй мировой войны, но главным образом – по истории блокады и обороны Ленинграда. Особые разделы сборника составляют воспоминания об ученом, а также публикация статьи В. М. Ковальчука и Г. Л. Соболева «Ленинградский “реквием”», вызвавшей в советское время политический резонанс, и ряда документов, рассказывающих о продолжении и завершении этой истории.

Сборник предназначен как для специалистов, так и для всех читателей, интересующихся историей Отечества.

ISBN 978-5-4469-0851-6

УДК 94(47)
ББК 63 3(2)622

© Санкт-Петербургский институт истории РАН: составление, 2016
© Коллектив авторов: текст, фотографии, 2016
© Издательство «Нестор-История»: оригинал-макет, дизайн, 2016
© В. М. Ковальчук, наследники: предисловие, фотографии, 2016

Содержание

Вместо предисловия.....	3
-------------------------	---

I. ВОСПОМИНАНИЯ

А. З. Ваксер. Семья Ковальчуков в моей памяти и сознании	11
Р. Ш. Ганелин. Вспоминая Валентина Михайловича.....	26
Ю. М. Лебедев. Вспоминая Ковальчука	31
В. М. Панях. Мои воспоминания	35
А. Н. Хмыров. Мы жили по соседству... ..	37
А. Н. Цамутали. О Валентине Михайловиче Ковальчуке и его трудах	43

II. ЛЕНИНГРАДСКИЙ «РЕКВИЕМ»: ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Ленинградский «реквием».....	49
«Сколько умерло в блокаду?»	55
В Ленинградский городской комитет КПСС.....	61
Приложение 1. Справка «О жертвах населения Ленинграда в период блокады»	64
К вопросу о жертвах населения Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.....	71
Сколько же нас тогда погибло?.....	86
Выстраданная победа.....	92

III. ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. Иванов, Д. В. Иванов. ЖКХ блокадного Ленинграда (организационные и правовые аспекты функционирования низовых структур в 1941–1943 гг.).....	97
Ю. З. Кантор. «Среднее исключалось вовсе». Блокадная хроника Эрмитажа	113
А. В. Кутузов. Мальта — героический остров	124
В. А. Кутузов. Жданов и Сталин. Заметки к истории взаимоотношений	133
Ю. М. Лебедев. Где настоящий Гальдер?	143
В. А. Мосунов. Борьба за Синявинские высоты зимой 1943 г.	157

В. И. Мусаев. Германская оккупация на Северо-Западе РСФСР	174
Alexis Peri. Pochti Chetyre Dnevnik: Narratives of Revision in Vera Inber's Blockade Diary	191
В. Л. Пянкевич. Очереди в Ленинграде во время Великой Отечественной войны	210
А. С. Романов. Кадры агитработников в блокированном Ленинграде и их квалификация	237
М. Н. Супрун. Архангельск военный, 1941–1945 гг.	247
С. В. Яров. Письма Г. А. Рудина как источник для изучения блокадного Ленинграда	260

IV. ПУБЛИКАЦИИ

«Операции войск Ленинградского фронта... явились хорошей боевой тренировкой войск» / <i>Вступительная статья, публикация и комментарии Э. Л. Коршунова и А. И. Рупасова</i>	269
«...Клюквы дают ведь не каждый день»: разовые выдачи продовольственных товаров в Ленинграде в годы блокады / <i>Вступительная статья, публикация и комментарии А. И. Рупасова и А. Н. Чистикова</i>	311
«Наши магазины имеют блокадный вид»: документы о практике снабжения промтоварами населения Ленинграда (1943–1947 гг.) / <i>Вступительная статья, публикация и комментарии Е. Д. Твердюковой</i>	321
Аннотации	359
Abstracts	369
Сведения об авторах	378

I. ВОСПОМИНАНИЯ

Семья Ковальчуков в моей памяти и сознании

Начало шестидесятых годов в советской стране — время динамичное, реформаторское, исполненное надежд и разочарований, радостей и горечи. Карибский кризис, триумфальный полет Юрия Гагарина, серийное освоение атомных подводных ракетноносцев, ракет разных классов, несомненные успехи в экономике, крупные подвижки в общественном сознании и культуре, повышение цен на мясомолочные продукты.

Н. С. Хрущёв, окрыленный первыми успехами политики реформ, в конце 50-х годов начинает новый тур: осуществляются крупные перемены в сфере образования, разворачивается кампания по укрупнению колхозов и выкупу ими техники у МТС. Раз есть крупный, быстро прогрессирующий подводный флот, то к чему теперь мощные надводные крейсеры, авианосцы и пр.? Если есть ракеты, то нужны ли разорительные траты на истребительную авиацию? Под нож идут на верфях недостроенные военные корабли, сокращается численность истребительной, штурмовой авиации, увольняются офицеры, имевшие богатейший боевой опыт, находившиеся на пике жизненных сил. Численность противников Никиты Сергеевича стремительно пополняется и среди высшего чиновничества, и на местах, и в массах рядовых граждан.

Именно в те годы я и познакомился с Валентином Михайловичем Ковальчуком. Сначала до меня дошла информация, что в ЛОИИ СССР АН СССР появился новый сотрудник — демобилизованный капитан первого ранга, кандидат исторических наук. Сказал об этом, кажется, профессор С. Б. Окунь. Я очень удивился: хорошо знал, что в ЛОИИ со стороны историков не берут, стараются формировать коллектив только из числа своих воспитанников. А если иногда и берут, то только по специальной рекомендации обкома КПСС. А в данном случае не просто взяли нового сотрудника, но и вскоре назначили руководителем отдела истории советского общества.

Вскоре представился случай познакомиться лично. Как-то приехал в институт, и меня представили новому начальнику. Передо мной стоял мужчина моего поколения, немного старше меня, с воинской выправкой, выше среднего роста, с запоминающимся красивым лицом в аккуратном, хорошо сшитом гражданском костюме. Светлые, немного редковатые волосы, высокий лоб, крупный благородный нос, хитроватые глаза оттеняли внешность и придавали какую-то значимость всей ладно скроенной фигуре этого человека. Мы познакомились и вскоре, как мне кажется, прониклись взаимной

симпатией. Определенный вес и авторитет В. М. придавал и отличный автомобиль «Волга», стоявший у входа в институт. В те годы подобные машины были разве что у академиков, Героев Советского Союза и Социалистического Труда, да и то далеко не у всех.

В советском отделе у меня было много добрых друзей: А.Л. Фрайман, В.А. Шишкин, О.Н. Знаменский, А.Р. Дзенискевич, Г.Л. Соболев, В.И. Старцев, Ю.С. Токарев и др. С ними я встречался регулярно в Публичной библиотеке, БАНе, архивах. С Ковальчуком же в первое время встречи носили случайный характер, а разговоры не шли дальше институтских, университетских, городских событий и новостей. Я не имел четкого представления о тематике, которой занимается Валентин Михайлович. Но где-то в конце шестидесятых — начале семидесятых годов меня начали приглашать для участия в некоторых заседаниях отдела, выступать в качестве официального оппонента по диссертациям, и наши контакты стали более регулярными. Отдел принимал живое участие в обсуждении варианта моей докторской диссертации. На кафедре истории СССР Института им. А.И. Герцена, на которой работал я, во время обсуждения диссертации на предмет рекомендации к защите с отзывом выступал З.В. Степанов. Его положительное заключение явилось главным основанием для положительного решения. Разумеется, что он предварительно советовался и в своем советском отделе ЛОИИ.

И, разумеется, для меня не стал неожиданностью звонок по телефону Валентина Михайловича с просьбой прочесть его докторскую диссертацию и дать официальный отзыв. Я, естественно, согласился. Про себя подумал, что он, несомненно, смелый человек, представляет работу, посвященную созданию и функционированию «Дороги жизни». В те годы всё еще сказывались последствия ленинградского разгрома конца сороковых годов. Проблематика, связанная с блокадой Ленинграда, входила в науку с большими трудностями. На моих глазах первые документальные публикации о блокаде, подготовленные в Институте истории партии, шли с большим трудом, несколько раз отправлялись на отзывы в Москву. Там копались, медлили. Надо иметь в виду, что и защиты, проходившие в Ученом совете ЛОИИ, утверждались в головном институте в Москве. Так что представление на защиту диссертации, посвященной блокадному периоду, в конкретной обстановке начала 70-х годов, было, безусловно, актом научного мужества и смелости. Мое уважение к Валентину Михайловичу возросло. К тому же диссертация открывала новую страницу в истории блокадного города и войны в целом. После успешной защиты, утверждения ВАКом диссертации В. М. Ковальчука мы встречались и перезванивались регулярно.

К телефону часто подходила его супруга Мириам Абрамовна. Я ее знал довольно давно по университетской кафедре истории КПСС, где она слу-

жила в должности доцента. В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов М. А. была в расцвете сил, женской красоты, производила сильное впечатление. Отличный лектор, прекрасный историк, обаятельный и доброжелательный человек. Ее невозможно было не выделить и не запомнить. Но с Валентином Михайловичем в своем сознании я Мириам Абрамовну почему-то не связывал. Когда до меня реальность все-таки дошла, это было очень приятно. Какая это была гармоничная и дополняющая друг друга супружеская пара! Прошли годы, и первое впечатление еще более укрепилось и усилилось. Но об этом расскажу ниже.

А в семидесятые годы наши человеческие и деловые контакты с Валентином Михайловичем продолжали укрепляться. Я постепенно становился своим человеком в ЛОИИ. А это была большая честь для историка. Конечно, сыграло определенную роль и присуждение Государственной премии СССР в составе коллектива института за двухтомник «История рабочих Ленинграда». Но я не был в курсе дела о разрастающемся конфликте в коллективе. Никогда с Валентином Михайловичем на эту тему мы не разговаривали, и я не жалею об этом. Хватало своих забот и тревожений. Ведь меня неоднократно избирали секретарем партийной организации исторического факультета. И я, естественно, оказывался в центре всяких конфликтов, которые случались на факультете в его отношениях с институтским начальством в те годы. А конфликты я терпеть не мог, переживал, нервничал, заработал язву желудка и многие годы не мог от нее избавиться.

Разумеется, какие-то отголоски баталий доходили. На кафедре совместительствовал ряд лет директор ЛОИИ Н. Е. Носов. Со мной советовался заведующий кафедрой истории СССР Ю. В. Кожухов, когда выяснилось, что его освобождают от этой должности, какую линию поведения должна избрать кафедра в конфликте, ставшем очевидным. Я ответил, что, по моему мнению, мы должны продолжать сотрудничество с Н. Е. Носовым и другими работниками ЛОИИ, как было и прежде, независимо от их позиций в конфликте. Второй разговор на эту тему состоялся несколько позже, когда обком КПСС предложил Ю. В. Кожухову возглавить ЛОИИ. Я не советовал ему соглашаться. Он солидаризировался с моими доводами.

Крепли мои связи с ЛОИИ и по другим линиям: развивалось сотрудничество с головным институтом в Москве, с университетом, с Институтом истории партии, которые теснейшими узами были с ним связаны. Но мыслей и задумок, связанных с переходом из Института им. Герцена в ЛОИИ, никогда не было. Я испытывал удовлетворение от работы в педагогическом вузе и менять что-либо в своей карьере не собирался.

Однако во второй половине 70-х годов положение в стране начало меняться. Было принято решение о введении всеобщего среднего образования, которое оказало большое влияние не только на школу, но и на ситуацию

в вузах. Готовить высококвалифицированных учителей становилось всё труднее. Под разными предлогами органы народного образования, министерство, партийные органы развернули настоящую травлю учителей, профессоров и преподавателей вузов, которые осмеливались ставить двойки на экзаменах, требовали стопроцентной успеваемости, объясняя это «государственным подходом» к проблеме. Я с такой политикой был категорически не согласен. Как секретарь парторганизации, поддерживал преподавателей, болеющих за дело, а не за показатели успеваемости. Поддерживал меня и Ю. В. Кожухов. Однако в апреле 1982 года он скоропостижно скончался.

Его кончина многое поменяла на факультете и на кафедре. Вскоре я встретился во дворе института с ректором А. Д. Боборыкиным. Он обратился с вопросом, как бы я реагировал на приглашение на пост заведующего кафедрой истории СССР В. И. Старцева, который многие годы сотрудничал с нашим коллективом. Мне было известно, что Виталий Иванович стремился уйти из ЛОИИ на руководящую работу в какой-либо вуз после того, как директором вместо Н. Е. Носова в конце концов был назначен наш общий товарищ В. А. Шишкин. Я был высокого мнения о Виталии Ивановиче как ученом и очень энергичном человеке и сказал об этом ректору. Многие годы мы с ним поддерживали дружеские связи. Вскоре он пришел на кафедру в ранге ее заведующего.

Параллельно происходили и перемены в моих взаимоотношениях с ЛОИИ и, естественно, с Валентином Михайловичем. Отделу советского общества предложили подготовить очередной (7-й) том очерков истории Ленинграда, охватывающий период с 1966 по 1980 год. Это было весьма ответственное и нелегкое задание. Ответственным редактором по представлению отдела назначили профессора З. В. Степанова. К работе над томом были привлечены почти все его работники и большое число специалистов из институтов академии и других организаций, в большинстве своем сотрудничавших с институтом в подготовке и издании предыдущих томов.

Года через полтора появился первый вариант. К моему глубокому удивлению, Захарий Васильевич обратился ко мне с просьбой отрецензировать его. Он, как это обычно и бывает, оказался сырым. Авторы ряда глав и разделов по своим научным интересам были далеки от тем, по которым им пришлось работать, не успели за короткий срок собрать нужный материал, обработать его, вжиться в период и тему. Я написал длинный перечень недостатков, промахов и, отдавая материал и рецензию З. В., предупредил его, что в таком виде рецензия адресована прежде всего ему для работы. А окончательный текст он может отредактировать, и я его подпишу. Мне не было известно, что тот же вариант был направлен на рецензию в обком КПСС. Это была, несомненно, большая ошибка и отдела, и дирекции, и самого З. В. Они не учли, что предыдущие тома «Очерков» рецензировали работ-

ники обкома, которые в большинстве своем не владели материалом, о котором шла речь в том или ином томе. Здесь же ситуация оказалась иной: обкомовские рецензенты владели гораздо большим материалом, нежели авторы тома, неоднократно выступали в печати по той или иной проблеме, писали брошюры и даже книги по конкретным темам. Естественно, что рецензия оказалась не просто негативной, а разгромной. Для руководства института, для Валентина Михайловича и Захария Васильевича такой поворот дела был крайне неприятен. З. В. вскоре уехал в Москву в отпуск и там скоропостижно скончался. Том «повис».

Мне было известно о состоянии дела, но никаких разговоров ни с кем я не вел. Кончину Захария Васильевича переживал мучительно. С Валентином Михайловичем и Валерием Александровичем Шишкиным никаких разговоров о томе не вел: понимал их состояние и заботы. Чем я им мог помочь?

Ситуация на этом этапе разрешилась для меня парадоксально. В один прекрасный день раздался звонок от директора Института истории партии З. С. Миронченковой. Она попросила отрецензировать уже не первый вариант подготавливаемого учреждением третьего тома «Очерков истории Ленинградской организации КПСС», почти готового к изданию. Я удивился и внутренне насторожился, ведь его отдавали неоднократно на рецензии в обком, посылали главы в Москву. Вокруг состава авторского коллектива шла длительная борьба и всякие дразги. Большинство заведующих кафедрами истории КПСС вузов города считало для себя честью приглашение в состав авторов и предпринимало все возможные и невозможные меры, чтобы стать соавторами. Что касается моей персоны, то я хоть и сотрудничал с институтом, но историком партии не был и старался держаться подальше, зная далеко не все суды и пересуды, которые велись в связи с подготовкой к выпуску этого издания. Ведь оно было первой попыткой создания истории региональной партийной организации в стране!

Отзыв был написан, представлен руководству института, а мне рекомендовали поговорить с авторами. Через некоторое время последовал новый звонок Зинаиды Сергеевны. Она попросила написать новый вариант одного из разделов, посвященных социальной политике. Я насторожился: понимал, что мое появление в коллективе авторов вызовет разные реакции. Но отказываться было невозможно. Написал необходимый материал. К моему глубокому удивлению он прошел все инстанции без замечаний. Изъяли только несколько абзацев, связанных со злоупотреблениями в торговле.

Не буду дальше задерживать внимание читателя подробностями этого сюжета, имеющего лишь косвенное отношение к теме настоящей публикации. Пролетел 1981 год — год моего вступления в пенсионный возраст. На кафедре обживался Виталий Иванович. Становилось очевидным, что он собирается строить кафедру «под себя». Продолжать линию Кожухова

не собирается. Было заметно, что время работы ряда членов кафедры сочтено. Это означало, что я со своей послевоенной социально-экономической тематикой из будущего нашего научного коллектива выпадал. Хотя наши личные и служебные отношения с В. И. Старцевым оставались вполне дружескими, но я начал испытывать возрастающее беспокойство.

Шел 1983 год. Однажды осенью меня пригласил к себе В. А. Шишкин. Он без обиняков напомнил мне о нелегкой судьбе «Очерков» и сказал, что хотел бы видеть меня в качестве его редактора. Все согласования с партийными органами, подчеркнул он особо, институтом осуществлены. «Тебе будет у нас хорошо», — завершил он разговор. Я поблагодарил и ответил, что так просто взять и уйти из Института им. А. И. Герцена не могу, что должен поговорить с ректором А. Д. Боборыкиным, что подумаю и через несколько дней дам ответ.

Весь этот поворот событий был для меня абсолютно неожидан и болезнен. Домой пришел в расстроенных чувствах, позвонил секретарю ректора и записался на прием. Позвонил Ежовым. К телефону подошла Светлана Александровна, которая заведовала на историческом факультете Института им. А. И. Герцена кафедрой методики преподавания истории и обществоведения. Мы с ней много лет поддерживали добрые служебные и человеческие отношения. Оказалось, что и она, и Виктор Анатольевич давно в курсе дела и тех шагов, которые предпринимает руководство ЛОИИ. Светлана Александровна и Виктор Анатольевич однозначно высказались за переход. Они считали, что перспектив на кафедре у меня нет, хотя ни единым словом не хулили Виталия Ивановича.

Через несколько дней я пошел на прием к Боборыкину. Отношения с ним у меня были не то чтобы дружеские, но довольно близкие. У нас были общие печатные работы и даже совместный доклад на всемирном съезде историков, который проходил в Ленинграде в Таврическом дворце. Боборыкин принял меня любезно, а когда узнал, по какому поводу пришел к нему, пересел с кресла за огромным ректорским столом, покрытым зеленым сукном, за специальный маленький низкий столик для разговоров частного порядка.

Я ему сказал, что хотел бы уйти из Института им. А. И. Герцена, объясняя это усталостью от педагогической работы и неудовлетворенностью политикой в области среднего и высшего образования. После введения всеобщего среднего образования, как отмечалось уже выше, в школах началась чехарда с выставлением неудовлетворительных оценок ученикам (почти так же, как сейчас), поскольку в новых условиях среднего всеобщего образования оставление ученика на второй год вело к лишним затратам государства. Министерство, местные органы народного образования и парторганы активно включились в эту работу. Против учителей, выставляющих двойки, развернулся настоящий поход. Их прорабатывали во всех инстанциях. Поход перекинул-

ся и на высшую школу. В двойках обвиняли не столько студентов, сколько профессоров и преподавателей, заявляя, что они просто не могут, не умеют и не хотят учить молодежь. Такому шельмованию подверглась и группа опытных преподавателей факультета, хотя моей фамилии там и не было. О такой позиции Боборыкин знал и ранее. Но на эти темы он не стал вести разговор, спросив, сколько мне лет? А когда узнал, что я уже вступил в пенсионный возраст, то разговор перешел совсем в другую плоскость.

Дело в том, что незадолго перед тем из обкома КПСС в вузы (а возможно, и в другие организации) поступило указание, что работников пенсионного возраста, представляющих интерес для учреждения, следует продолжать держать в штате. Но вновь на работу принимать не следует. А. Д., разумеется, знал об этом, но, видимо, не думал, что аналогичной информацией владею и я. Выслушав меня, он спокойно сказал, что я могу поступать, как считаю нужным, видимо, рассчитывая на запрет партийных органов. Уж он-то знал, чем грозит слушание! Разговор был окончен. Я встал, поблагодарил и направился к двери. Взявшись за ручку, полуобернулся и еще раз спросил: «Значит, я могу идти на все четыре стороны?» А. Д. ответил утвердительно. С тем я и покинул ректорский кабинет. Прошел на факультет, рассказал В. И. Старцеву о ситуации и поехал домой.

По домашнему телефону позвонил В. А. Шишкину, В. М. Ковальчуку, Ежовым. Процедура увольнения прошла очень быстро. А. Д. уехал в очередную командировку в Европу, а замещавший его проректор по заочному отделению, бывший работник обкома, видимо, был в курсе дела. Через два-три дня документы были уже сданы в ЛОИИ. Забегая вперед, скажу, что спустя некоторое время, когда пришел в Институт им. А. И. Герцена на совет по защитам, в коридоре столкнулся с А. Д. Боборыкиным. Он с места в карьер спросил меня: «Что это ты вздумал бегать?» Я ответил: «Вы же сами дали согласие на то, чтобы я шел на все четыре стороны». Он сделал вид, что не расслышал...

В ЛОИИ меня встретили очень тепло. В день заседания совета, на котором должны были состояться выборы, пришел в отдел. На совет мы пришли вместе с Валентином Михайловичем, сели на третий ряд на второе и третье место с правой стороны. Так плечо в плечо мы и просидели на этих местах более двадцати лет. И работали с первого дня «плечо в плечо». Я не помню ситуации, когда бы мы с В. М. разговаривали на повышенных тонах. Я чувствовал его поддержку всегда.

Примерно в течение недели удалось внимательно ознакомиться с общими и постраничными замечаниями обкома. Затем я представил свой вариант структуры тома. Некоторые существенные изменения пришлось внести в первую часть. Второй и третий разделы, посвященные социальному развитию, науке, культурной жизни города, по структуре, устоявшейся в этом

многотомном издании, существенных перемен не претерпели. Разумеется, в первые недели работы в ЛОИИ каждый свой шаг я предварительно согласовывал и обговаривал с В. М. Мы обменивались мнениями и лично, и по телефону по нескольку раз в день.

Работал очень много, с большим увлечением и ответственностью. В архивах тогда по 60–70-м годам XX века материалов либо не было, либо их не выдавали. Так что я к 9–10 часам утра уже был в Публичной библиотеке и сидел до закрытия. В таком темпе и с таким напряжением не работал уже давно, даже в период подготовки докторской диссертации. Никто меня не отвлекал, не давал дополнительных заданий. Два присутственных дня отдавал ЛОИИ, присутствовал на всех заседаниях отдела, на административном и диссертационном советах, членом которых меня избрали и определили. Всё остальное время работал, работал и работал... Книга начиналась с раздела «Территория и население». Такого параграфа в прежнем варианте не было. В учебниках по истории СССР, общих работах многие годы не принято было уделять внимание подобным проблемам. Видимо, негласно подразумевалось, что в СССР и России и того и другого всегда было вполне достаточно. Новых авторов я не собирался привлекать, и над этой и последующими главами работал либо сам, либо в тесном контакте с авторами. Приступая к работе над новым разделом, считал, что обязан, прежде всего, показать, на что способен сам, а уж потом требовать от многочисленного коллектива авторов. Такой порядок одобрили и директор ЛОИИ, и заведующий отделом В. М. Ковальчук.

Не буду злоупотреблять вниманием читателя описанием работы над 7-м томом «Очерков». Отмечу лишь, что примерно через полтора-два месяца раздел, который писал, был готов, отпечатан и представлен Валентину Михайловичу и Валерию Александровичу. Они его внимательно прочли и в основном одобрили. Тогда общей концепции тома и понимания сути развития Ленинграда в 60–70-е годы у меня, разумеется, еще не было. После этого начал заниматься авторскими главами. Как ответственному редактору, мне пришлось избрать жесткий вариант. Другого выхода при наличии разгромной рецензии обкома просто не было. Большинство авторов это понимали, и мы находили решения, приемлемые для подготовки тома. В одних случаях авторы сами дорабатывали свои главы. В других — принимал непосредственное участие в доработке и я. Но не всё и не всегда шло гладко. Однажды в присутственный день ученый секретарь Б. Б. Дубенцов пригласил меня в кабинет и попросил ознакомиться с содержанием письма-жалобы, которое написал автор одной из важных глав, посвященных благосостоянию ленинградцев. Первый вариант этого раздела вызвал особенно жесткие претензии обкома. И, естественно, мои замечания и предложения оказались особенно обширными и в некоторых случаях затрагивали принципиальные

вопросы и взгляды автора. В письме я обвинялся в том, что нарушаю традиции мягкого редактирования, которые утвердились в ЛОИИ задолго до моего прихода. Разговор при разборе раздела между нами был тоже жестким и принципиальным. Автор был близок с Виталием Ивановичем, и не исключаю, что перед написанием петиции советовался с ним. По сути, он отказывался от переделки раздела.

Разумеется, к конфликту немедленно подключился Валентин Михайлович. Он ни единым словом не упрекнул меня, понимая, видимо, что другого выхода у меня не было. В разборе конфликта деятельное участие также принимали Б. Б. Дубенцов, М. П. Ирошников, В. А. Шишкин. В результате автор раздела был отстранен от дальнейшего участия в работе. Раздел заново написал Ч. Э. Сымонович.

Между тем от параграфа к параграфу, особенно по проблемам культуры и искусства, работать мне становилось всё сложнее. Приходилось учиться непрерывно, ибо то и дело всплывали вопросы, в которых я был недостаточно компетентен. И я учился, читал, беседовал со специалистами, не стеснялся показаться неучем. Учился у искусствоведов, они проводили для меня экскурсии по мастерским художников, скульпторов. Учились и у меня видеть исторические проблемы. Вместе мы искали пути определенного поворота глав в сторону истории. На финише этой напряженной работы я начал овладевать искусствоведческим подходом и даже осмелился написать варианты сюжетов одной из глав, которая никак не удавалась автору. Был искренне рад, когда он согласился с некоторыми из них.

Эти контакты с очень разными людьми, крупными специалистами складывались успешно во многом потому, что мне постоянно помогал в общении, нахождении общего языка с авторами Валентин Михайлович.

Наши отношения постепенно теплели, становились всё более откровенными и дружескими. К тому же жизненные пути хотя и были очень разными, но мы принадлежали к одному поколению, прожитое, пережитое сближало.

Валентин Михайлович родился в 1916 году, а я в 1921 году, т. е. был моложе его на 5–6 лет. Он в конце 30-х гг. уже окончил исторический факультет ЛГУ, был в числе первых выпускников определен в адъюнктуру военной академии. А я в 1939 году только поступил в Ленинградский военмех, в том же году оказался призванным в ряды Красной Армии рядовым. В. М. всю флотскую жизнь прослужил офицером, а я почти до конца 1944 года оставался сержантом-авиамехаником, старшиной; офицерское звание получил лишь в конце войны, не намеревался продолжать службу после ее окончания. И только повинуясь приказу, честно отдал армии еще десять лет. В результате он завершил службу капитаном первого ранга, а я — всего лишь капитаном. Разница огромная. А продолжительность выслуги у нас оказалась почти одинаковая, и пенсия примерно одинаковая, хотя

за высокое звание В. М. получал заметно больше. И тем не менее мы были людьми одного военного поколения. Наши взгляды, оценки окружающих людей, событий оказывались обычно близкими. Но мозги в науке «крутились» у нас по-разному. Он стремился постичь факты, собрать их возможно больше и полнее для потомков, а я факты, разумеется, тоже ценил, но был склонен к анализу процессов, явлений. Мы как бы дополняли друг друга. Но он занимался историей Великой Отечественной войны, а я — историей народного хозяйства, экономики после победы. Если встречал что-нибудь интересное для В. М., то немедленно звонил ему, а если ему попадался материал, который мог заинтересовать меня, то он тут же говорил об этом мне.

Так, зять подарил мне два тома воспоминаний немецкого офицера, принимавшего участие в блокаде Ленинграда. Тут же позвонил Валентину Михайловичу, привез ему эти книги. Он расширил круг немецких авторов и написал ценное исследование, которое синтезировало всю обстановку, которая складывалась в блокадном городе и вокруг него.

Так мы и жили, обогащая и помогая один другому. Я очень любил слушать короткие рассказы В. М. о службе в Главном штабе ВМФ. Ему в числе узкого круга офицеров было доверено осуществлять дежурство по штабу. Надо было точно знать обстановку на разных флотах и флотилиях и уметь мгновенно принимать нужные решения. Словом, это была сложная и исключительно ответственная работа, которая была по плечу лишь избранным. А я бывал дежурным по полку. Понимал состояние дежурного, хотя рамки и степень ответственности были несопоставимы. Коллизии и ситуации, конечно, различны, а переживания в чем-то схожи. Так мы и жили, работали.

В 1986 году Валентину Михайловичу стукнуло 70 лет. Возраст немалый. Но он был, как это говорится, на коне. На банкет в «Метрополе» собрались ближайшие друзья и родственники из Ленинграда и Москвы. Пригласили и меня. Разгар лета. Еду на метро: совсем рядом. Поднимаюсь по лестнице. Вот и зал. Длинные столы, как тогда было принято, уставлены всякими яствами. Хотя там и не было французских вин, устриц, итальянских каштанов и прочих заморских изысков, но всё было с пылу с жару, и никакой тебе заботы об экологии. Встретили меня Мириам Абрамовна и сам виновник торжества очень приветливо, усадили за стол рядом с собой, познакомили с сыновьями и родственниками.

От В. М. слышал много о сыновьях, особенно о Мише, о призыве его во флот, о прохождении службы, о поездках к нему, о женитьбе... Он оказался крупным мужчиной, улыбчивым, доброжелательным, контактным. С Юрой только успел познакомиться. Кругом были знакомые лица. И хотя забот и тревог у меня с 7-м томом в ту пору было выше головы, вся торжественная, непринужденная атмосфера банкета как-то помогла на время успокоиться, разрядиться, отвлечься. Юбилей стал светлым пятном

в моей напряженной, отрешенной почти от всяких мирских забот и треволнений повседневности жизни, погруженности в науку.

Наконец наступил период работы с издательством. Здесь уж В. М. помочь мне не мог. Издательство, прекрасно зная всю историю работы над 7-м томом, выделило одного из лучших и опытнейших редакторов Т. Н. Богданову. В течение целого ряда месяцев Татьяна Николаевна давала мне уроки редактирования. Многому научился у нее, о многих секретах узнал. Ознакомился с целым сегментом справочной литературы, с которым ранее плотно не работал. Ходил в издательство несколько раз в неделю, как на работу. «Обсасывали» каждую фразу, каждый абзац, порою долго думали и гадали над одним словом. Спорили. Расходились, думали, приглашали главного редактора издательства, но в конце концов находили или компромисс, или решение. Ранее я спорадически общался с редакторами этого издательства. Особых претензий у них к моим работам не было, и мы быстро улаживали все вопросы. Теперь было совсем другое. Часть материала отдавал авторам на доработку, а часть заново переписывал сам. Нередко советовался и с Валентином Михайловичем. Никогда не считал зазорным учиться, удивляться человеческой мудрости и своей глупости. И ныне, на склоне лет, учусь и удивляюсь.

Параллельно с редакционной работой было решено отдать том на рецензию в обком. Поехали мы вместе с В. М. Вошли в Смольный. Здесь дули уже совсем иные ветры — ветры горбачевской перестройки. Чувствовалось, что обкомовцам не до нас и нашего тома. За те годы сменилось несколько первых секретарей обкома и горкома КПСС. На смену Г. В. Романову пришел Л. Н. Зайков (1983–1985), а после его отъезда в Москву, избрания в состав Политбюро, «выплыл» Ю. Ф. Соловьёв (1985–1989), на смену которому пришел не имевший ранее отношения к партийной работе Б. В. Гидаспов (1989 — август 1991). Особых замечаний у обкомовцев не было, но с учетом нового курса рекомендовали уделить внимание недостаткам и негативным сторонам, проблемам развития города. Архивный и газетный материал у меня был собран. Тогда и было решено дополнительно включить специальный обобщающий раздел «Итоги экономического развития Ленинграда. Город и регион в системе народно-хозяйственного комплекса СССР. Внешнеэкономические связи». Работал над ним в отпуске в Трускавце. За месяц справился. Рецензировали Валентин Михайлович и Валерий Александрович. Быстро передали в издательство, и последний том капитального издания «Очерков» пошел в печать.

Как-то позвонил мне автор главы о кино Д. Г. Иванеев, один из старожилов «Ленфильма», и предложил билеты в Дом кино на премьерный показ документального фильма «Перед судом истории» о В. В. Шульгине. Я предложил В. М. пойти на фильм. Он с удовольствием согласился и заехал

за мной вместе с Мириам Абрамовной, кажется, на «Москвиче». Машину он еще водил сам. Мы не спеша ехали в Дом кино по Невскому проспекту, беседовали, свернули на Итальянскую и остановились перед самым Домом кино. Народу было много. Пришлось с трудом протискиваться сквозь толпу жаждущих попасть на просмотр. После фильма состоялось краткое обсуждение. Мы были под большим впечатлением от увиденного и услышанного. Все были историками, хорошо знали фактическую историю событий революционных и послереволюционных лет. Но вот такая история, вывернутая наизнанку судьба умного, активного, с авантюрными задатками неординарного человека, думавшего, думающего теперь совсем не так, как мы, и воспринимавшего события совсем по-другому, впечатляла и потрясала. Мы на обратном пути горячо обсуждали этот, несомненно, удачный документальный фильм. Мириам Абрамовна, видимо, чувствовала себя не совсем хорошо, подустала. Это была последняя личная встреча. После нее мы общались по телефону. Она повторяла вновь и вновь, что чувствует себя всё хуже. Вскоре ее не стало.

Тяжко описывать утрату. Валентин Михайлович внешне перенес катастрофу спокойно. Но через непродолжительный срок начал заметно сдавать. Ноги стали отказывать. Ходил с палочкой, мучительно тяжело подымался по лестнице на второй и третий этаж института. Стал жаловаться на недомогания. Отказался от управления автомобилем. Начал ездить на «Мицубиси», предоставленном ему Юрием Валентиновичем. Нередко после работы приглашал меня доехать с ним до «Черной речки».

Настали лихие девяностые. Мы их переживали вместе. Хотя жизнь Валентина Михайловича и моя в новых условиях складывалась по-разному, но оценки событий в общем совпадали. Главным стала защита памяти об Отечественной войне, о блокаде Ленинграда. Хотя война давно закончилась, но она была в нас, в нашем естестве, постоянно напоминала о себе. И это — до конца.

На обсуждение отдела была вынесена кандидатская диссертация К. М. Александрова, которая была посвящена формированию и действиям армии генерала-предателя А. А. Власова. С власовцами мы сталкивались на фронте. В Германии я нашел пластинки с записями песен казачьего хора им. генерал-атамана Каледина — русских эмигрантов первой волны, покинувших Россию после разгрома белого движения. В них сквозила такая горькая тоска по утраченной Родине, что, как говорится, мороз по коже пробегал. Может быть, я так воспринимал эти известные мне с детства напевы и потому, что сам ужасно тосковал по дому, по России. Никогда не был, как говорится, «квасным патриотом», ни тогда, ни теперь. Искренне восхищался красотами, дорогами, многими сторонами уклада жизни Германии и немцев. Но сердце тянулось и ныло о своем российском, сибирском.

Может быть, и поэтому начал задумываться о боли и переживаниях других, совершенно чуждых мне людей, врагов, которые якшались с гитлеровцами.

Пронеслись десятилетия, рухнул Советский Союз, за победу которого мое поколение боролось не на жизнь, а на смерть, но чувство это, раз родившись, не забылось и не пропало. Оно проявлялось не раз в конкретных острых жизненных ситуациях. И тогда, читая диссертацию Александрова, возмущаясь ее откровенно антисоветской направленностью, я не мог не отметить и несомненные достоинства — огромный фактический материал, добытый в зарубежных и советских архивах. Вероятно, это же привлекло внимание Валентина Михайловича. В своих оценках он подчеркивал и новизну, и нетрадиционность подходов диссертанта. Мы неоднократно обсуждали работу, добиваясь устранения политизированности и объективности оценок. На всех обсуждениях обязательно присутствовали А. Н. Цамутали, который в ту пору возглавлял отдел капитализма, и член-корреспондент РАН. Р. Ш. Ганелин. Они, по-видимому, имели какое-то отношение к появлению работы в институте, опасались нашего с В. М. негативизма в ее оценке. Постепенно выявлялись источники политизированности, откровенного антисоветизма диссертанта — связи с журналом «Посев», разрыв с научным руководителем Б. А. Старковым и др. Не буду далее задерживать внимание читателя. На заседании, рекомендовавшем работу к защите, я при поддержке В. М. прямо спросил у Александрова: расценивает ли он войну 1941–1945 годов как Отечественную или считает ее нацистско-советской войной? Он ответил, что считает ее Отечественной. Собственно, это поставило точку на рекомендации. Правда, позже в ряде печатных работ он отходил от подобной оценки. Но это уже дело его совести, а не моего рассказа. Было еще немало острых моментов, когда приходилось сражаться за правду о войне. Мы с В. М. всегда были вместе.

Настал момент, когда состояние здоровья В. А. Шишкина потребовало его формального ухода с поста руководителя отдела. Обстановка с кандидатурами оказалась непростой. Я не участвовал в обсуждениях и решениях о кандидате. Могу только засвидетельствовать, что Валентин Михайлович стоял горой за кандидатуру А. Н. Чистикова. Уверен, и это показали все последующие события, что В. А. был полностью прав и еще раз доказал свою дальновидность.

Шел 2006 год — год 90-летия Валентина Михайловича. Летом, в июле, работников отдела и еще несколько человек из коллектива ЛОИИ пригласили на банкет во дворце Белосельских-Белозерских. Специально приехал сдачи в город. На Невском повстречался с директором института В. Н. Плешковым и его женой. Вошли в хорошо знакомый мне подъезд, где совсем недавно размещался Куйбышевский РК КПСС, и поднялись по хорошо знакомой парадной лестнице. Здесь уже стояли Д. А. Гранин, А. А. Фурсенко

и другие. Немного поодаль, окруженный небольшим числом гостей и родственников, находился сам юбиляр. Мы, разумеется, подошли, поздравили его. Шел общий оживленный разговор. Через непродолжительное время подъехали и остальные приглашенные. Минувя вход в большой зрительный зал, все проследовали в следующие дворцовые покои. Здесь был устроен небольшой буфет прохладительных и горячительных напитков. От ярких этикеток (наклеек на всевозможных бутылках) рябило в глазах.

Распахнулись двери в дворцовую библиотеку, в которой бывал много раз. В райкомовские времена здесь располагался лекционный зал, стояли ряды стульев, у противоположной стены была сделана небольшая балюстрада, на которой обычно находился стол для президиума и небольшая трибуна для лектора или выступающего. Теперь балюстраду, стол и трибуну убрали, прекрасный паркетный пол выровняли, стены и панели библиотеки подновили. В центре стояли четыре или пять одинаковых больших круглых прекрасно сервированных столов. Нас любезно встретили вышколенные официанты и официантки, помогли найти свое место, обозначенное табличкой. Все работники отдела оказались за одним столом. Другой стол или два заняли многочисленные родственники с детьми, следующий был отведен для ближайших друзей. Здесь уселись А. А. Фурсенко и его сыновья, Д. А. Гранин и еще несколько человек. И, наконец, за последним столом сидел Валентин Михайлович, московские гости из академии. Было несколько пустых стульев. Их позже заняла губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко и сопровождающие.

Чествование началось. Не буду пересказывать содержание речей. Бесспорно, центральная роль отводилась документальному фильму, посвященному юбиляру. Снят он был профессионально. А комментировали видеоряд Миша и Юра. В качестве своеобразного аккомпаниатора их дополнял Д. А. Гранин.

Добрые комментарии, приправленные тонким юмором, задушевностью тона, как-то незаметно растворили официальную ауру юбилея. Нарядные и строгие панели библиотеки, роскошный паркет словно отодвинулись куда-то, стушевались. Пространство наполнила непринужденная атмосфера семейственности. Завеса официальщины ушла. Фильм и комментарии к нему изредка прерывались возгласами Миши и Юры, уточнявшими и дополнявшими фильмский комментарий, взрывами смеха, отдельными возгласами родных и гостей.

Эту домашнюю атмосферу дополнил, но не изменил приезд Валентины Ивановны Матвиенко, которая вовсе не официальным тоном зачитала указ Президента о награждении Валентина Михайловича Ковальчука орденом, поздравила и пожелала всех благ и здоровья, запросто уселась за праздничный стол. Чествование продолжилось, но дух семейного, доброго, радост-

ного праздника не уходил. Невольно подумалось, что мудрость и любовь Мириам Абрамовны посетили эти торжественные залы. Замечательной атмосферой, а не дворцовыми покоем и щедрыми угощениями памятный вечер юбилея, прежде всего, и запал в мою душу.

В ближайшие дни позвонил Валентину Михайловичу. Тон, запал у него были радостными, но усталость чувствовалась. Отпуск минул. Он аккуратно продолжал приезжать в присутственные дни в институт, который сменил статус филиала и стал именоваться Санкт-Петербургским институтом истории РАН. Однако болезни одолевали. С грустью и тревогой мы замечали, как ему становилось всё труднее подниматься по лестнице, ходить по коридорам. Часто ложился на профилактику в клинику Песочного. И разговоры по телефону, видимо, не приносили ему былой радости общения с товарищами.

Как-то незаметно все мы ощутили, что ему трудно и утомительно общаться. Не сговариваясь, решили, что общение следует ограничить. С В. М. главным образом общался, ездил к нему А. Н. Чистиков, а потом рассказывал о его состоянии и кратких разговорах.

О последних месяцах, неделях и часах, когда Валентин Михайлович жил безвыездно на даче у Юрия Валентиновича, мы уже узнавали урывками. Да и нас, его многолетних друзей и товарищей, время не щадило.

Скоро исполнится год, как пришла горестная весть о кончине Валентина Михайловича Ковальчука. Я уже не мог проводить его в последний путь. Но память о человеке, подарившем мне четверть века спокойной, напряженной, плодотворной творческой работы, о замечательной семье Ковальчуков, о роскоши дружеского общения — всегда со мной.

Вот, как любил говаривать Валентин Михайлович, завершая свои неофициальные речи, такие пироги.

Август 2014 года

Вспоминая Валентина Михайловича¹

Я работал с Валентином Михайловичем на протяжении всего времени его службы в институте. Я поступил раньше, чем он. Когда он поступил, то Владимир Васильевич Мавродин, который любил давать людям летучие характеристики, и у меня был случай убедиться, что он всегда оказывался прав, сказал: «Хороший парень, не пожалеете». И действительно, весь путь, который В. М. прошел на моих глазах в институте, был путем очень достойного и, я бы сказал, очень порядочного человека.

Валентин Михайлович был очень красивый мужчина, и этому есть общего кадрового характера объяснение. В 1939 году был создан наркомат Военно-морского флота. Н. Г. Кузнецов сам был красивый человек. У него, очевидно, была такая установка: его кадровики подбирали личный состав, чтобы «огурчик был отборный любительский». Почему я в этом убежден? Мы жили напротив открытого Н. Г. Кузнецовым Военно-морского факультета Первого медицинского института, и они ходили строем. Такого количества настоящих интеллигентных, красивых и действительно отборных мужчин я никогда не видел. К сожалению, большая их часть погибла в октябре 1941 года. Их эвакуировали по Ладоге на барже, и эту баржу немцы сумели разбомбить. Есть братская могила в Кобоне. И то же самое, например, не было еще ни Военно-исторического института, никаких военно-исторических структур в том, что называлось сухопутными войсками, а в Главном морском штабе был военно-исторический отдел. Я не знаю, как это было в Москве, но на истфаке ЛГУ начался тоже отбор, и несколько человек, из которых я знал только В. М. и С. Л. Пештича, туда были отобраны. Кроме того, моряками были (это уже было во время войны) и Окунь, и Шапиро. И это тоже было не случайно, потому что они были тоже отобраны.

Я не знаю, при каких обстоятельствах был ранен В. М., но он был ранен легко, вылечился и попал в дубликат Главного морского штаба — запасной флагманский командный пункт наркомата Военно-морского флота, базировавшийся в Куйбышеве. В Москве всё это помещалось на станции метро «Кировская». Поезда проходили без остановки, там всё было зашито фанерными щитами, а за ними был даже кабинет Сталина. Эта станция была очень глубокая. А в Куйбышеве, об этом недавно была передача по телевидению, было подземелье и т. д. Вот там В. М. получил школу штабистской

---

¹ Выступление на заседании отдела современной истории России СПбИИ РАН, посвященном памяти В. М. Ковальчука 12 ноября 2013 г.

работы, и это не было пустым времяпрепровождением. По некоторым рассказам людей, которые это всё знали, там вырабатывались планы операций, которые Кузнецов и командование флота использовали, а они, надо сказать, действовали с некоторой самостоятельностью, потому что, как пишет Кузнецов в своих мемуарах, благодаря Владимиру Антоновичу Алафузову, исполнявшему перед 22 июня 1941 года обязанности начальника Главного морского штаба, ему удалось, вопреки Сталину, привести флот в готовность № 1. В. А. Алафузов потом, после отсидки, жил в Ленинграде и работал в компании, к которой В. М. тоже имел отношение. Это были оказавшиеся в редакции Главного морского атласа полковники Фрумкин, Гельбо и сам вице-адмирал Алафузов, который был главным редактором этого издания; там работали наши коллеги В. И. Райцес, Р. Г. Скрынников, Н. Н. Чижова и еще некоторые. А когда туда на работу поступил мой друг В. Я. Голант, то Алафузов, как настоящий стратег, издал специальный приказ, чтобы он сидел дома, потому что он заболтает весь персонал, и никакой работы не будет. Это было, между прочим, серьезное историческое учреждение в Ленинграде. Но В. М. примыкал к нему только отчасти, потому что стал ученым секретарем исторического отдела Главного морского штаба. Это всё находилось в помещении германского посольства.

Алафузов был человеком очень большой интеллигентности, но, надо сказать, и сам пост начальника Главного морского штаба был занят человеком очень интеллигентным — генералом флота И. С. Исаковым, который был, кстати сказать, недюжинным беллетристом и печатался в «Новом мире» как писатель. В. М. вышел из этой среды. Если я не ошибаюсь, фамилия начальника этого исторического отдела была генерал-майор Кулаков, который ничего худого не сделал, кроме того, что, находясь в гостях в застолье, стал вспоминать, как он слушал Троцкого, и лишился своего поста. Его, к счастью, не посадили.

Некоторое время В. М. оставался ученым секретарем этого отдела и был не то чтобы во главе, но играл там довольно большую роль. В этом качестве он получил поручение заключить со всей истфаковской профессурой договоры на написание каких-то монографий по истории флота. Единственный выполнивший этот договор был В. В. Мавродин. Он написал книгу «Начало мореходства на Руси». В. М. обратился к Б. А. Романову с просьбой написать историю флота в Русско-японской войне. Надо сказать, что наш учитель к военно-исторической теме относился, я бы сказал, легковесно, но в тот же день позвонил мне и сказал: был очаровательный подполковник, всё подписали, но я, конечно, не знаю, что писать про флот в Русско-японской войне. Потом этот отдел закрыли, и В. М. стал, если я не ошибаюсь, преподавателем Военно-морской академии. Но тут подоспело хрущевское сокращение, и он, как выслуживший 20 лет, был демобилизован. С подачи Владимира Васильевича он стал нашим коллегой.

Ходили слухи, что у него были связи, никакого следа этих высоких связей я никогда за ним не видел. Но был свидетелем того, что он с самого начала стал приводить в ЛОИИ настоящих военачальников. Надо сказать, что они у него только что строем не ходили, но слушались они его безотказно. Был Ученый совет, посвященный тому «Истории Ленинграда», который касался Великой Отечественной войны, том пятый. Они собрались в подвале БАНа, если вы помните, там был актовЫй зал, и стали учить нас источниковедению. Скажу вам, довольно эффективно. Вспоминаю, там был генерал-полковник В. П. Свиридов, который сказал: «Вы сейчас негодуете, что вас не пускают в архивы, не дают секретные документы. Не обольщайтесь. Когда заняли ту территорию, с которой производился артобстрел Ленинграда немцами, то обнаружилось, что там всего несколько каких-то жалких орудий. Когда об этом сообщили, то было велено написать, что там было... Ну и написали. Вот теперь всё это засекречено, всё примерно в таком духе...»

Но затем нам была изложена ими же, а В. М. тихо сидел в углу, история полковника Фрумкина. Дело в том, что наркомат Военно-морского флота имел свою разведслужбу, и Фрумкин был заместителем начальника этой разведслужбы. Был петергофский десант, где он дал сведения, что можно атаковать, а немцы этот десант уничтожили. И была дана телеграмма Жукова: полковника Фрумкина расстрелять. Жукова отговорили от этого намерения, но он, тоже источниковед, кончая свой монолог о Фрумкине, сказал: «А телеграмму сохранить». Вот вы найдете эту телеграмму, сказал, по-моему, адмирал Н. К. Смирнов, член Военного совета, а я только что говорил с Фрумкиным по телефону.

И еще две встречи, в которых я участвовал в Москве. Вот тут действительно роль В. М. была как рука полководца. Мы были вместе с В. В. Петрашом. Гостиница «Якорь», номера там были бедные. В. М. сказал: «Вечером должен приехать генерал армии М. М. Попов, нужно купить пол-литра коньяку, один лимон и 100 г сахарного песка». Мы предложили купить угощение, но В. М. ответил: «Я сказал, что нужно». Это было довольно поздно вечером в морозный день. Появился генерал армии в полной генеральской форме, но апаш. Он извинился за то, что без галстука, и объяснил, что галстук в кармане, потому что порван. Генерал любил выпить. ЗИМ стоял под парами внизу, порученец время от времени справлялся, как поживает генерал армии, а он рассказывал нам о войне, ссылаясь на то, что вот В. М. просил его говорить всё, как есть. Рассказал о своих встречах со Сталиным, рассказал о том, что в Ленинграде знали о начале войны ночью и речь Молотова никакой роли тут не сыграла, что он приехал из Карелии, поезд прибывал в 5–6 утра, и шофер на вокзале сообщил ему о гитлеровском нападении. Рассказал об аресте Мерецкова, которого он на личном самолете по звонку из Москвы отправлял из Ленинграда, кажется, 23 июня в Москву, и летчик,

вернувшись, сообщил ему, что, наверное, Мерецкова забрали, потому что его прямо на аэродроме двое сотрудников НКВД одели в плащ, закрыв знаки различия, и куда-то повезли. Все эти бытовые подробности В. М. умел выявлять каким-то способом, я бы сказал, человеческого контакта с людьми.

Защита его докторской диссертации была очень интересной. Приехал адмирал Трибуц, командующий Балтийским флотом. У него была докторская степень, правда, не знаю, каких наук. Он выступил с блестящей речью о работе В. М. Очень хорошо выступал московский историк из Военно-исторического института — Проэктор. Это было очень здорово. В. М. на глазах академицировался и стал в Академии наук своим человеком. Это было очень приятно для окружающих.

В. М. старался быть очень хорошим товарищем, и это ему удавалось. Думаю, что этот кадровый принцип, который Н. Г. Кузнецов задал в своей кадровой службе, оказался довольно эффективным. И на протяжении всех моих контактов с В. М. он всегда был очень компетентным и интересующимся делом коллегой. Мне сейчас трудно сказать, в какой мере он был причастен к визитам Хозина (их было два в наш институт), но думаю, что был. Это было странное обстоятельство. 1965 год, 20-летие победы, и был приглашен Хозин, но почему-то Ленинградский обком на него взелся, и его лишили приглашения, хотя он только что был демобилизован с очень приличного поста начальника курсов «Выстрел». И Николаю Евгеньевичу Носову, тогдашнему директору института, пришлось выступить не только как приглашителю, но и с большим трудом добыть ему билет на торжественное заседание, кажется, на галерку. С трудом достали номер в гостинице «Киевская» на автовокзале. Такие были неизвестно какого происхождения интриги. И когда шофер, которого вызвал Н. Е., фронтовик, узнал, кого он повезет, у него вырвалось: да он же мог город сдать немцам, я его один встречаю, это ж надо...

Я участвовал в обеих беседах, которые состоялись. В. М. присутствовал при этом. Повторяю, я не могу определить его организующую роль. Большую роль в этом сыграла Л. И. Деревнина, потому что она была секретарем редакции сборника воспоминаний о блокаде, в который вошли воспоминания Хозина. В воспоминаниях был, в частности, вопрос о вывозе зерна и муки из Ленинграда 20, 21, 22 июня 1941 года. Хозин сообщил, что Жданов, с которым они подолгу сидели в бомбоубежище, ему рассказал о команде вывезти и т. д. Мне кажется, что была его собственная рукопись, я помню его почерк. Всё это пошло в издательство «Наука», и в издательстве потребовали справку из Министерства внешней торговли. Из Министерства прислали письмо о том, что в документах сведений нет и ничего подобного установить нельзя. Потом раздался звонок, а у нас был один телефон на весь институт у секретаря Веры Федоровны Варфоломеевой и на столе

у нашего в то время бухгалтера Леокадии Павловны Кондзерко. Я взял трубку. Какой-то довольно старческий голос попросил позвать Л. И. Деревнину. Звонивший сказал о том, что он читал письмо в Министерство внешней торговли. Он представился и сказал, что был управляющим «Союзэкспортхлебом» и готов подтвердить всё то, что Хозин рассказал. Он сказал, что до сих пор работает экспертом, бывает в Ленинграде и встречается с начальниками емкостей (помню это выражение), и они тоже могут подтвердить (они до сих пор еще служат), что всё это так и было. А сейчас в мемуарах И. С. Вербловской есть история соседа по коммунальной квартире, который вел теплоход с лесом немцам, в те самые дни он был обстрелян. Он дал немцам радиogramму о том, что он по соглашению везет лес, и тогда его разбомбили, и он погиб. В. М. старался придать человеческий характер всему тому, что в этом томе «Истории Ленинграда» было написано, и тому, что он сам писал о блокаде. Позже, когда интерес к этому исчез, а потом снова стал возрождаться, издательство Ленинградской области, сейчас не помню его названия, предприняло переиздание его книги о блокаде, и он обратился ко мне с просьбой написать к ней предисловие. Я написал не только об этой книге, но и несколько слов о нем самом.

Вообще должен сказать, что из коллег, из друзей по работе В. М. для меня — один из самых незабываемых.